

---

# ИНТЕРВЬЮ

---

# INTERVIEW

---

УДК 001.89

## «НАШ ОПЫТ И СТАЛ НАШИМ УНИВЕРСИТЕТОМ, ИМ И ПРИРАСТАЛА СОЦИОЛОГИЯ...»

Д. Г. РОТМАН<sup>1)</sup>, А. Н. ДАНИЛОВ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Интервью посвящено предстоящему 75-летию юбилею известного белорусского социолога, директора Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, доктора социологических наук, профессора Д. Г. Ротмана. Он размышляет о своем жизненном пути, роли социологии в обществе, рассказывает об исследовательских проектах, своих учителях и коллегах, рассуждает о проблемах, с которыми сталкиваются социологи. Разговор затрагивает тему методологии и методов социологии: междисциплинарность, сравнимость, сочетание и комбинирование методов рассматриваются как основные требования к современным исследованиям. Дискутируется вопрос развития и перспективных направлений отечественной социологии, совершенствования образования социологов.

**Ключевые слова:** Д. Г. Ротман; история социологии; Центр социологических и политических исследований БГУ; Проблемная НИЛ социологических исследований; сектор прикладной социологии; Г. П. Давидюк; международные социологические проекты; электоральные исследования; кафедра социологии БГУ.

**Благодарность.** Выражаем признательность доценту кафедры социологии Т. В. Щелковой и магистранту А. В. Зайцевой за помощь в проведении интервью и подготовке материала.

---

### Образец цитирования:

Ротман ДГ, Данилов АН. «Наш опыт и стал нашим университетом, им и прирастала социология...». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:65–72.

### For citation:

Rotman DG, Danilov AN. «Our experience has become our university and sociology was accreted by it...». *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3: 65–72. Russian.

---

### Авторы:

**Давид Генрихович Ротман** – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований.

**Александр Николаевич Данилов** – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

### Authors:

**David G. Rotman**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies.

[dgrotman@rambler.ru](mailto:dgrotman@rambler.ru)

**Alexander N. Danilov**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

[a.danilov@tut.by](mailto:a.danilov@tut.by)

---

## «OUR EXPERIENCE HAS BECOME OUR UNIVERSITY AND SOCIOLOGY WAS ACCRETED BY IT...»

D. G. ROTMAN<sup>a</sup>, A. N. DANILOV<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.danilov@tut.by)

The interview is dedicated to the upcoming 75<sup>th</sup> anniversary of the famous Belarusian sociologist, director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, doctor of science (sociology), full professor David G. Rotman. He reflects on his life path, the role of sociology in society, research projects, his teachers and colleagues, and the problems which researchers face. The conversation touches on the topics: of methodology and methods of sociology; interdisciplinarity, comparability, conjunction and combination of methods are considered as basic requirements for contemporary research. The issues of the Belarusian sociology perspective directions and improving the sociological education is discussed.

**Keywords:** David G. Rotman; history of sociology; Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University; Problematic Laboratory of Sociological Research; sector of applied sociology; George P. Davidyuk; international sociological projects; electoral research; department of sociology of the Belarusian State University.

**Acknowledgements.** We are grateful to associate professor at the department of sociology T. V. Shchelkova and master's degree student A. V. Zaitseva for their assistance in conducting interview and preparing material.

**Александр Данилов:** *Уважаемый Давид Генрихович! Поводом для интервью в нашем журнале может стать интересный собеседник, лидер общественного мнения, важное событие, профессиональный интерес, оригинальная информация. Да, еще юбилей, что тоже не редкость. Вы, Давид Генрихович, подходите по всем статьям предложенного расклада. Но в данном случае наш разговор приурочен к Вашему 75-летию.*

*Давид Генрихович, Вы известный в нашей стране и далеко за ее пределами специалист, ученый-социолог. Вы стабильны во всем: во взглядах и предпочтениях – реалист, прагматик, эволюционист, человек, верный в дружбе и всецело увлеченный любимым делом. Одно слово «социология» – и сразу всплывают фамилия Ротман и соответствующий авторитетный исследовательский центр. Фактически вся Ваша жизнь связана с Белорусским государственным университетом... и одним городом, нашей прекрасной столицей. На Ваших глазах менялась жизнь, люди и Минск, в котором так все знакомо, уютно и близко...*

**Давид Ротман:** Да, Александр Николаевич, жизнь идет, довольно много лет уже прожито. Ну а БГУ – это та организация, где я из всех этих 75 лет провел 50. А что такое 50? Сначала пять лет (1967–1972) я был студентом, а затем два года работал по распределению в Центре по научной организации труда и управления Министерства легкой промышленности БССР социологом. В 1974 г. мой учитель Георгий Петрович Давидюк пригласил меня на работу в сектор прикладной социологии, который им был создан при кафедре марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ. И там состоялся уже реальный старт моей

профессиональной деятельности. С этого момента, с 4 октября 1974 г., и по настоящий день вот уже 45 лет работаю в разных статусах в Белорусском государственном университете. Сначала это был сектор прикладной социологии, потом – Проблемная НИЛ социологических исследований (ПНИЛСИ), после этого – кафедра социологии, созданная уже в период моей работы в университете, затем – Центр социологических и политических исследований (ЦСПИ). В сумме получается 50 лет. Так что это довольно много и солидно. У меня никогда не возникало желания куда-то переходить, чем-то другим заниматься, кроме социологии. Даже наоборот. И эта привязанность, естественно, и сейчас осталась. Я не могу себе представить, каким образом в какой-то момент придется расстаться с родным университетом, где мне практически все знакомы. Мы все друзья, коллеги, поддерживаем друг друга, интересуемся жизнью и т. д.

**А. Д.:** Ну а с чего начиналась Ваша работа в социологии?

**Д. Р.:** Когда я в 1967 г. поступил на первый курс после службы в армии, началось возрождение социологической науки в Советском Союзе. В том же году была создана Проблемная НИЛ социологических исследований БГУ. И нас, студентов отделения философии исторического факультета, стали привлекать к проведению исследований. Это было, конечно, не то, что сейчас мы называем социологией. Мы вначале просто ходили и бумажки раздавали, которые случайными людьми заполнялись, проводили какие-то беседы. Примерно так, с этого все и начиналось. Ну а потом, когда ПНИЛСИ стала мощной исследовательской организацией, где было пять или шесть отделов, которые охватывали

своим вниманием практически все сферы жизнедеятельности общества, все стало очень серьезно. Наш собственный, приобретаемый в процессе исследований опыт и стал нашим университетом, им и прирастала белорусская социология.

А вот сектор прикладной социологии был той научной организацией, которую Георгий Петрович Давидюк создал сам и которая работала на базе хозяйственных договоров, заключавшихся с белорусскими предприятиями. Я как сегодня помню первые наши исследовательские работы. Они начинались, естественно, с общения с руководством предприятий. В то время, по крайней мере так мне казалось, директора заводов и фабрик понимали, зачем нужны исследования в их коллективах. Сейчас, по-моему, этого уже нет. А вот тогда, например, директор Оршанского льнокомбината Александр Петрович Лахтин, когда мы вместе с Жанной Грищенко приехали на предприятие, сразу пригласил нас к себе в кабинет. Разговор состоялся обстоятельный: он поставил какие-то задачи, высказал просьбы, много-много задал вопросов. И мы начали исследование на этом большом предприятии. Естественно, это были опросы в рабочее время, анкетирование рабочих, инженеров, служащих.

Еще одно предприятие, где мне пришлось проводить исследования, – завод имени С. М. Кирова. Им руководил высочайшего уровня специалист Вячеслав Францевич Кебич. На этом предприятии мы опробовали много оригинальных задумок. Например, мы вторыми в истории советской социологии после Ленинграда провели несколько включенных наблюдений. Сотрудники сектора прикладной социологии Алла Соколова и Сергей Гребенников для выполнения исследовательской работы были зачислены в штат завода. Вячеслава Францевича интересовало, как рабочие и инженеры относятся к определенным нововведениям, которые он осуществлял. Это были его задумки, он привлекал людей к управлению предприятием, т. е. это уже были, так сказать, настоящие демократические заходы, притом что это было передовое предприятие в нашей стране, да и во всем Советском Союзе.

Тогда у меня появилась мысль (а я отвечал за это исследование), что необходимо попытаться осуществить сочетание и комбинирование методов. Чтобы включенное наблюдение стало реальным источником объективной социологической информации для последующего анализа, я предложил параллельно начать проведение опросов работников. Они нам отвечали на вопросы анкет, а затем в перерывах начинали обсуждать: «Какие-то там социологи нам какие-то вопросы задают, а я им сказал правду». А другой говорит: «А я сказал так, хотя на самом деле вот так». И это всё наши наблюдатели слышали, записывали, а затем мы делали какие-то

выводы, естественно не озвучивая ни фамилии людей, ничего, а приводя только сами мысли. Таким образом, сочетание вот этих двух методов, анкетный опрос плюс включенное наблюдение, позволяло получить более объективную информацию для принятия руководством предприятия правильных и эффективных управленческих решений.

**А. Д.:** *Вы как-то рассказывали, что однажды все пошло не так, как было определено «легендой».*

**Д. Р.:** Конечно, включенное наблюдение проводить было предельно сложно по той простой причине, что наши наблюдатели Гребенников и Соколова были с высшим образованием, а в коллективе представлены были по своим легендам как люди вообще без образования. Алла Соколова, например, работала учетчицей в цехе, и с ней в кабинете находились еще пять или шесть мастеров. Эти ребята либо еще учились в Политехническом институте, либо уже его окончили. И тут в одной ситуации мы, как сейчас модно говорить, прокололись. Почему? Алла окончила отделение политэкономии БГУ и работала в секторе, уже имея высшее экономическое образование. И тут мастера в цехе начинают рассуждать по поводу теории Карла Маркса. А наша Аллочка, которая по легенде никакого образования не имела, была женой офицера, который с ней развелся и т. д., она бедная и несчастная, и вдруг включается в их спор и говорит: «А вот, между прочим, в “Капитале” на такой-то странице написано так-то и так-то, а вы студенты, и не знаете». И тут до нее доходит, что она не может знать этого «Капитала», особенно называть точную страницу произведения Маркса и приводить цитату. А у нее просто была дипломная работа на эту тему, и поэтому она запомнила ту цитату. Это было неприятно, Алла в шоке, выскочила к телефону, звонит мне и говорит: «Слушай, Давид, что делать? Я сказала нечто лишнее, и они всё поняли». А мы находились тогда в главном корпусе на Бобруйской, 7, на 4-м этаже. Ну, в общем, мы быстренько приехали на предприятие, попросили организовать собрание цеха. Я говорю: «Уважаемые товарищи, простите. Есть такой метод – включенное наблюдение. Вот наша сотрудница. Она должна принимать участие в жизни, чувствовать ситуацию, среду, не просто так оценивать то, что происходит, вы меня поймите. Но, поскольку раскрылось использование этого метода, я вынужден ее отозвать». Они говорят: «Да нет, пусть остается, пусть работает, пусть слушает, мы стесняться не будем». Вот так закончилась эта история.

Так мы работали на предприятиях до тех пор, пока они не начали потихонечку беднеть. И, как следствие, стал разваливаться и наш сектор прикладной социологии, потому что уже не было возможности получать заказы. Деньги, так сказать, стали исчезать у предприятий, им было трудно все это делать. А когда сектор прикладной социологии

распался, меня пригласили на работу в ПНИЛСИ. Там трудились интересные и талантливые ребята: Володя Дунаев, Слава Кочергин, Толя Левко, Олег Манаев, Света Бурова и многие другие. Мы успешно проводили исследования. Но постепенно стала умирать и ПНИЛСИ по той простой причине, что все хуже и хуже становилось с государственным финансированием науки. С началом перестройки ПНИЛСИ как таковая перестала существовать, она была переименована в Центр социологических исследований, где и ее свели к нулю. Вскоре это научное подразделение прекратило свое существование.

**А. Д.:** *Давид Генрихович, Вы стояли у истоков создания первой негосударственной социологической службы...*

**Д. Р.:** Да, так получилось, что мне пришлось создать первую негосударственную компанию – социологическую службу «Общественное мнение». Она базировалась в здании Московского райисполкома, который с пониманием отнесся к необходимости создания социологической службы в г. Минске. Столичные власти интересовала ситуация в городе, проблемы и настроения населения. К счастью, в городском комитете партии работали люди, понимавшие важность социологических исследований. И это неудивительно, ведь вторым секретарем горкома партии в тот период был Вячеслав Францевич Кебич, а за идеологию и пропаганду отвечал мой однокурсник и друг Петр Кузьмич Кравченко. Много опять приходилось разрабатывать. Мы стали проводить опросы в кинотеатрах, театрах, клубах и т. д. И, в отличие от опросов в трудовых коллективах, они были свободные и совершенно анонимные. Это тоже очень интересно. Был ряд ситуаций, которые мы описывали, анализировали и передавали руководству городского комитета партии. Анализ результатов был связан с настроениями минчан, в той или иной мере позитивными или негативными, но факт, что это уже были немного другие подходы к организации и проведению социологических исследований.

**А. Д.:** *Все же Георгий Петрович Давидюк действительно сыграл в Вашей судьбе важную роль, особенно когда направил Вас на социологический семинар в г. Горький...*

**Д. Р.:** Это было еще во времена моей работы в ПНИЛСИ. Георгий Петрович Давидюк был назначен руководителем Проблемной НИЛ социологических исследований, а я уже там работал. И вот в один прекрасный день, а это было в конце 1986 г., где-то осенью, он меня приглашает в свой кабинет и говорит: «Слушай, Давид, тут Госкомитет СССР по народному образованию что-то такое решил социологическое создавать, они просят, чтобы кто-то от Беларуси был из ведущих социологов. Короче, нужно ехать в г. Горький». Я говорю: «Замечательно, да это же моя Родина, я родился рядом с Горьким,

в Богородске. Там всего каких-то 40 км, никогда там не был после рождения. Через два месяца Минск был освобожден, и мои родители вернулись домой в Минск из эвакуации, поэтому я с радостью». Он говорит: «Давай, я тебе доверяю». Я поехал в Горький на это мероприятие, где собрались представители примерно 30 вузов из разных точек Советского Союза. Это была организационная встреча, на которой была запущена деятельность Всесоюзной социологической программы Госкомитета СССР по народному образованию «Общественное мнение», которая была призвана регулярно изучать проблемы молодежи.

И вот первая встреча с министром Геннадием Алексеевичем Ягодиным и с его первым заместителем Феликсом Ивановичем Перегудовым. Феликс Иванович привлек к работе своего земляка из Томска Анатолия Александровича Овсянникова, который стал главным социологом Госкомитета СССР по народному образованию и руководителем созданной программы. Сразу скажу, что, конечно, созданный в то время Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) был солидной и сильной социологической организацией. Но у него не было таких технических возможностей, которые были у Государственного комитета СССР по народному образованию. Ведь последнему подчинялись все вузы Советского Союза, где работали все преподаватели общественных дисциплин, научного коммунизма, политэкономии и т. д. И это была громадная сила, мы могли в течение нескольких недель проводить исследования по всей территории Советского Союза. Правда, сначала это были только проблемы молодежи.

Поймите меня правильно, без всякого хвастовства скажу, что все мои новые коллеги оценили мои методологические идеи и начинания. Поэтому к предложениям белорусских социологов стали прислушиваться. Мы сразу же договорились, что исследования будем проводить в режиме мониторинга. А сам мониторинг должен осуществляться на всей территории Советского Союза. Исследования должны проводиться весной и осенью по пять или шесть опросов одновременно на разные темы. В состав группы, которая представляла в программе «Общественное мнение» наш университет, вошли сотрудники ПНИЛСИ БГУ Лида Новикова, Надя Голубкова, Ира Андреева, Света Бурова, Николай Местовский и др. Нам приходилось ездить в разные города Советского Союза. Эти времена вспоминаются как лучшие годы жизни. Кроме большой исследовательской работы, которую мы осуществляли, приходилось еще много путешествовать, знакомиться с интересными людьми, общаться. Ну, в общем, нам пришлось объездить практически пол Советского Союза. И была проделана огромная работа, которая, безусловно, способствовала развитию нашей социологической науки.

**А. Д.:** *А как начиналась работа после распада Союза?*

**Д. Р.:** Естественно, когда Союз распался, совместной программы «Общественное мнение» быть уже не могло. И мы стали сами проводить исследования. Стали изучать проблемы молодежи нашей страны, в том числе и такие ранее не изучавшиеся темы, как наркомания, алкогольная зависимость, проституция. Например, по просьбе Минского управления внутренних дел в лице первого зама Бориса Тарлецкого мы в сопровождении одного-двух сотрудников в штатском ходили по притонам наркоманов, местам, где «тусовались» девушки так называемого легкого поведения и т. д. В своей работе мы объединились с известными специалистами в области отклоняющегося поведения молодежи Анзором Александровичем Габияни из Грузии и Владимиром Тимофеевичем Лисовским из России. Собрались в Минске, провели конференцию, обменялись опытом этих исследований. Оказалось, что мы немножко даже впереди своих коллег, потому что наша милиция не побоялась этих исследований, а в России было чуть по-другому, и в Грузии все было больше закрыто. Хотя Габияни и Лисовский открыто проводили свои исследования по столь щекотливой теме. Короче говоря, все это было очень интересно, это был неоценимый опыт. Исследования выполнялись уже нашей негосударственной исследовательской службой «Общественное мнение».

В 1996 г. возникла идея вновь создать социологическую структуру в Белорусском государственном университете. Громадный вклад в ее создание внесли ректор и первый проректор нашего университета – Александр Вячеславович Козулин и Петр Иванович Бригадин. Я пришел к ним, предложил, рассказал, что, как, почему. Мгновенно были выделены необходимые средства, очень приличные по тем временам, определились с помещением, штатами. Дальше нам сказали: «Вы должны зарабатывать сами». Петр Иванович Бригадин курировал нас и постоянно участвовал в наших исследовательских делах.

Поскольку мне довелось быть одним из руководителей программы Государственного комитета СССР по народному образованию «Общественное мнение», то все связи и возможности проведения исследований на постсоветском пространстве сохранились. И как только распался Советский Союз, научные социологические структуры разных стран, в том числе и вузовские, стали проявлять большой интерес к белорусской социологии. К кому им было обращаться? Кто еще мог им помочь выйти на все вузовские социологические структуры Советского Союза? Они сразу же определили почему-то, что это я. Вот ко мне обратились, и нас стали приглашать в крупнейшие международные проекты, такие проекты, которые выполнялись, например, по заказу Национального банка Австрии («Новый де-

мократический барометр»). Первый подобный замер в 1992 г. мы провели по всей территории постсоветского СНГ. Мы были координаторами, потом аналитиками, это был старт, начало участия в международных проектах, но еще это была и хорошая реклама для университетской социологии.

**А. Д.:** *После этого Вас стали приглашать в проекты различные европейские социологические программы...*

**Д. Р.:** Да, так все и было. Мы участвовали в девяти проектах ИНТАС. Это были и интереснейшие исследования, и, естественно, финансирование. Они были связаны с условиями и образом жизни населения, здоровьем людей, межнациональными отношениями в странах СНГ, политическими ситуациями, отношениями между государствами и т. д. Затем как-то сам по себе образовался крупный международный консорциум, где я стал одним из лидеров. Его возглавил мой австрийский друг и коллега, известнейший ученый, ныне президент Всемирной ассоциации по изучению ценностей Кристиан Херпфер. И мы уже вместе стали осуществлять этот мониторинг. Мы проводили и проводим исследования в рамках проекта «Европейские ценности». Они продолжаются до сих пор, последняя волна была в 2018 г. Очень интересно проследить изменение или неизменность базовых ценностей.

Кроме того, сегодня ЦСПИ, естественно, имеет большое число заказов, новых проектов. Мы проводили или проводим с 1990 г. целый ряд исследований по заказам Всемирного банка и Международной финансовой корпорации. Постоянно участвуем в исследованиях, которые осуществляются в рамках Всемирной ассоциации по изучению электоральных систем. Каждый раз после национальных выборов, через два-три месяца, проводится поствыборный опрос. Я уже сказал об исследованиях европейских ценностей. Я также вхожу в методологический комитет исследований мировых ценностей. Мы выполняли исследования 5-й и 7-й рамочных программ Европейской комиссии.

В прошлом году мы проводили исследование «Гендер и семья». Опрос был непростой: 10 тыс. респондентов, короткий промежуток времени, продолжительность интервью – 2 часа. В общем-то мы проводили его первыми среди других стран в этой волне. На нас как бы эксперимент ставили. Но, с другой стороны, мы помогали голландцам, которые руководили этим исследованием, разрабатывать инструментарий и т. д. Сейчас книжку выпустили, ставшую учебником для других стран, которые вслед за нами осуществляют исследования.

Недавно у нас было исследование, которое проводил Кембриджский университет на тему «Приватизация и смерть»; 16 тыс. человек мы должны были опрашивать в 20 маленьких городах, которые они сами отбирали. Справились лучше других. Это, естественно, работает на авторитет центра, уни-

верситета и нашей родной Беларуси. Могу перечислять и дальше, но, думаю, достаточно...

**А. Д.:** А как же электоральные исследования?..

**Д. Р.:** Электоральные исследования – это одно из важнейших направлений моей деятельности. В 1989 г. состоялись выборы народных депутатов СССР. Мы проводили исследования в ходе этой избирательной кампании. Мы ряд кандидатов в депутаты сопровождали. Это были первые электоральные исследования в нашей стране, которые проводились по нашим технологиям. Позже несколько иностранных фирм использовали разработанные нами методологии расчета важных показателей, например комплексные рейтинги и т. д. Правда, спасибо не сказали. Но сначала спросили разрешение. Продолжили исследования на выборах в Верховный Совет БССР в 1990 г. Выборы проходили очень интересно: была настоящая борьба, противостояние различных политических сил.

Но самые главные, конечно, первые президентские выборы в 1994 г. Я хочу сказать, что абсолютно объективно действующий сегодня президент тогда их выиграл. Еще за год до того, как состоялись эти выборы, в 1993 г., одна профсоюзная газета, наша ведущая, я забыл, как она называется, брала у меня интервью. У меня сохранилась эта газета. А ситуация была такой, что люди негативно оценивали все: партии, правительство, различные ситуации, парламент – все плохие. И я тогда в этом интервью сказал: «Вы понимаете, что может появиться совершенно новый человек, за которого проголосуют. Это будет протестное голосование. Все зависит от того, сколько людей неопределившихся. И чем больше процент этих людей, тем сложнее ситуация для тех, кто уже поработал в различных органах власти». Мы потом эту технологию использовали на всех выборах.

Как я уже говорил, мы проводили исследования абсолютно на всех избирательных кампаниях. Это была интересная работа. Мы участвовали в экзит-полах на выборах Президента Республики Беларусь в 2010 и 2015 гг. Получили громадный опыт, это было предельно интересно. Результаты разнились всего на несколько процентов, порядок же с первого до последнего места был предсказан точно. Нам удалось разработать свою систему осуществления электоральных исследований. Я писал об этом в журнале «Социс», и книга «Электоральные социологические исследования» у нас вышла.

Сейчас мы начинаем серию исследований к парламентским выборам. Первый замер прошел в начале сентября. Мне очень интересно, какую картину мы получим.

**А. Д.:** Давид Генрихович, когда Вы начинали учиться в университете, термин «социология» вряд ли широко использовался. Хотя Ваши коллеги всегда отдавали приоритет Вашей методологической подготовке, значит, белорусская социологическая школа

всегда была на высоте. Социологию как профессию чаще выбирали люди социально зрелые, у которых за плечами был какой-то фундамент, стаж работы. Практика стала главной учебной площадкой, где Вы вместе со своими учителями осваивали азы новой для себя науки...

**Д. Р.:** Да, хороший вопрос. Я поступил в Белорусский государственный университет в 1967 г. Отделение философии существовало уже второй год. Георгий Петрович Давидюк уже второй год читал курс социологии. В этом же году была создана ПНИЛСИ. Все было непросто, и не сверху оно свалилось. Много было наработано опытом и пытливым умом первопроходцев. Вы знаете, получилось как-то так, что по жизни я не люблю, только меня извините, когда просто болтают. Вот все говорят: «Я поехал на конференцию, я там выступил, мы организовали». Ну и что в результате? Я считаю, что главное для социолога – это конкретные исследования, а не ерунда всякая, с разговорами связанная: поехали, поговорили, развлеклись. Я поэтому все это не люблю, стараюсь на конференции не ездить, но дело не в этом. Я же привык к конкретным действиям. К этому меня приучила срочная служба – три года в учебной танковой дивизии в Печах. Сначала курсант, потом младший сержант, сержант, старший сержант. Тут все понятно. Позже меня неоднократно призывали на различные учения. Привык во всем справляться на отлично, дело надо делать. Кроме того, перед призывом в армию я работал на обувной фабрике имени Калинина, где тоже было не до болтовни. Сначала учился, а потом стал механиком-ремонтником. Нужно было четко выполнять свои обязанности. Вот это определенным образом сформировало мой характер, и я привык к конкретной работе.

Как только я начал заниматься крупными социологическими исследованиями, мне пришла в голову такая идея: разработать технологию оперативных исследований. Дело в том, что для принятия важных решений органам управления требуется не только объективная и точная информация, но и оперативное описание ситуации. Эта идея была принята в программе «Общественное мнение» Госкомобразования СССР. Мне тогда мои коллеги сразу сказали: «Пиши монографию». Так появилась моя монография «Оперативные социологические исследования в комсомольской работе». Рецензировал книгу выдающийся советский и российский социолог Владимир Александрович Ядов. Сам мне позвонил и сказал: «Все великолепно, ты должен защищать диссертацию». И все. Я сразу согласился. А тогда было правило, что можно защищаться по докладу, т. е. нужна единоличная монография, которая используется в вузах и научных структурах по всему Союзу. Естественно, книга разошлась. В 1991 г. я сделал доклад на заседании диссертационного совета в БГУ, и в 1992 г. ВАК СССР

мне присвоила степень доктора социологических наук.

**А. Д.:** *Первому в университете...*

**Д. Р.:** В университете да, но передо мной была еще одна защита в совете Института социологии НАН Беларуси. Но дело не в этом. Болтовней, пустыми разговорами не нужно заниматься. Работать нужно.

**А. Д.:** *На этом и стоит авторитет белорусской социологической школы...*

**Д. Р.:** Да, авторитет белорусской школы. Нас признали благодаря союзной программе как лидеров на постсоветском пространстве. Вернее, сначала в Советском Союзе, а потом уже на постсоветском пространстве. Это могут подтвердить все коллеги, которые сейчас со мной работают в СНГ и Европе. Потому что во всех крупных международных проектах каждый раз нам поручали руководство сбором информации по всей территории Советского Союза. И мы руководили этими исследованиями. Сперва обрабатывали информацию, потом уже вместе с коллегами европейскими писали, потому что, в общем-то, я всегда им объяснял: «Понимаете, ребята, нам виднее, что у нас тут происходит, можете что угодно придумывать, а мы здесь живем». Действительно, авторитет белорусской социологии высок. Но, к моему большому огорчению, других социологических структур на территории нашей страны, которые активно участвовали бы в крупных международных проектах, нет. Мы сами хотим конкуренции, а ее, к сожалению, пока что не получается.

**А. Д.:** *Давид Генрихович, на протяжении последних 50 лет много чего изменилось в жизни. Происходили революции, кризисы, распался Союз. А как менялась социология?*

**Д. Р.:** У нас была очень оригинальная ситуация, которая сказалась на формировании моих профессиональных установок. Изначально мы узнавали о социологии из лекций Георгия Петровича Давидюка. А он, я не знаю, откуда что брал. Он мог общаться с В. А. Ядовым, А. Г. Здравомысловым, наверняка, что-то читал. Он автор первых учебников по прикладной социологии. Это был старт. Но, чтобы достичь хорошего уровня, этого было недостаточно. Мы учились на практике и все делали своими руками. Сами придумывали, сами исполняли, учились сами у себя. Так сформировалось стремление все обсуждать, спорить, доказывать, умение что-то придумывать, не пользоваться тем, что уже есть, не искать, у кого что-то написано, не только ездить на какие-то конференции и слушать, а самим анализировать, мыслить, экспериментировать.

Сейчас я завершаю работу над книгой, в которой пытаюсь определиться с современными методами социологического исследования и в которой речь идет о двух вещах. Первое – главным методологи-

ческим требованием современного социологического исследования является сравнение данных. Определяем, что было и что есть, и отсюда делаем прогноз, что будет. А второй принцип – сочетание и комбинирование методов. При этом подходе каждый используемый метод позволяет получать информацию, которая подтверждается другими применяемыми методами.

У меня сегодня вызывает определенное несогласие позиция тех социологов, которые утверждают, что они используют для сбора информации самые современные методы. И этими методами они называют онлайн-интернет-опросы, телефонные опросы и т. п. Я сразу спрашиваю: а каким образом при использовании методов телефонных и интернет-опросов можно осуществлять контроль качества сбора информации? Человек видит вопрос, на него отвечает. Но у меня уже есть много примеров, когда один и тот же человек 30–40 раз отвечает на одни и те же вопросы. И то же самое с телефоном. Человек берет телефонную трубку. У меня квотная выборка, говорю: «Здравствуйте, мне нужно поговорить с мужчиной, который не имеет высшего образования и которому 50–60 лет». В ответ: «Да-да, это я». Потом выясняется, что со мной разговаривал 28-летний кандидат социологических или политических наук, который мне лапшу на уши вешал. Как я могу это проверить? Это что, современные методы? Разве они гарантируют объективность собранных для анализа данных? Мы изучаем общественное мнение, чтобы заинтересованные структуры получили объективную информацию, могли принять правильное решение. Мы получаем результат, чтобы предупредить какие-то серьезные катастрофические ситуации. Здесь работает медицинский принцип «не навреди». Он касается и социологии тоже. Если в медицине есть клятва Гиппократова и вот эта фраза «не навреди», у нас здесь то же самое. Мы не можем навредить. Социология не есть инструмент борьбы. Мы должны давать правду, чтобы не страдали рядовые люди. И вот это – главное требование к социологии. И это заставляет искать новые подходы. Чем большее количество оригинальных подходов мы будем использовать, тем точнее у нас будет информация.

**А. Д.:** *Давид Генрихович, хотелось бы вспомнить еще один важный сюжет, связанный с Вашим участием в принятии решений об открытии социологических факультетов и кафедр в высших учебных заведениях Советского Союза.*

**Д. Р.:** Я уже как-то рассказывал об этом. Скажу просто, как это было. Сначала на высшем партийном уровне было принято решение. Потом в Госкомитете СССР по народному образованию, естественно, обсуждался вопрос: а где открывать? Это было в 1989 г. На одном из совещаний, в котором принимали участие члены бюро программы

«Общественное мнение», представлявшие университеты союзных республик, решали, где будут созданы социологические факультеты. Когда руководитель Госкомобразования СССР обратился ко мне с вопросом о том, нужно ли открывать факультет социологии в БГУ, я допустил огромную ошибку, о которой жалею и переживаю до сих пор. Я сказал, что достаточно будет отделения социологии.

**А. Д.:** *В этом году уже 30 лет нашему отделению и кафедре социологии, которой и Вам пришлось руководить...*

**Д. Р.:** В том-то и дело, что это должен был быть факультет. Почему? Потому что я вам так скажу: если мы сейчас сопоставим нашу кафедру с кафедрами ведущих университетов – Петербургского, Московского, Киевского, Харьковского, то мы увидим, что у нас не меньше докторов наук и опыта проведения социологических исследований самого высокого уровня. И поэтому у нас бы хватило возможностей, чтобы был социологический факультет.

**А. Д.:** *Да, на нем могло бы работать пять-шесть кафедр...*

**Д. Р.:** Да, да. И было бы еще более глубоким образование. Кроме того, я считаю, что у нас не хватает в стране социологических служб. Мы должны добиваться того, чтобы социологическая служба была в каждой области, во всех областных университетах. Чтобы у нас, при нашем факультете, при нашей кафедре, была структура, связанная с повышением квалификации социологов Республики Беларусь. Мы должны создать в каждом ведущем вузе социологическую лабораторию. Они должны набрать туда сотрудников, приглашать преподавателей кафедры социологии БГУ, сотрудников ЦСПИ БГУ для

проведения мастер-классов, приезжать в Минск на курсы повышения квалификации, которые должны быть организованы при кафедре социологии факультета философии и социальных наук БГУ. Еще я хотел бы, чтобы была воссоздана программа социологического мониторинга, которую мы осуществляли ранее с Министерством образования Республики Беларусь.

И еще одно пожелание к организациям, заинтересованным в получении результатов социологических исследований. Важно не забывать, что социологические исследования должны осуществляться не после того, как принимаются определенные управленческие решения, а, наоборот, до того, как они принимаются. Чтобы видеть, как люди реагируют на возможно принятое такое-то решение, а потом его уже принимать.

**А. Д.:** *Давид Генрихович, в заключение нашего разговора хотелось бы спросить: как Вы сами относитесь к своему наступающему 75-летнему юбилею?*

**Д. Р.:** Чтобы понять эти юбилейные ощущения, надо сначала дожить до 75. А потом постараться самому спокойно проанализировать, что было, что ты сделал, чем ты помог, и тогда только оценивать. Сейчас пока еще, наверное, не получится объективно оценить. Ну, мне не очень нравятся, честно говоря, эти даты.

**А. Д.:** *Давид Генрихович, примите еще раз наши поздравления. Хотелось бы пожелать Вам здоровья, радости жизни на долгие годы! Мы с нетерпением ждем Вашей новой книги, которая, как мне кажется, вызовет большой профессиональный интерес в нашем сообществе. Ждем новых статей для журнала, работ сотрудников Вашего центра, Ваших учеников. Спасибо Вам за интересное интервью.*